

Мэри Вентура и «Девятое королевство»

Автоматически замигали красные неоновые лампы, и громкоговоритель надсадно проскрипел:

— Поезд отправляется с третьего пути... поезд отправляется... поезд отправляется...

— Должно быть, твой, — сказала Мэри мать. — Уверена, так и есть. Поторопись. Пора. Билет у тебя?

— Да, мама. Мне что, нужно сразу идти? Так скоро?

— Сама знаешь, как бывает с поездами, — сказал отец Мэри. В серой фетровой шляпе он выглядел неприметно, словно путешествовал инкогнито. — Сама знаешь, как с ними бывает. Они ждать не будут.

— Знаю, папа.

Длинная черная стрелка вокзальных часов проскочила на минуту вперед. Повсюду к поездам спешили люди. А над ними, подобно куполу огромного собора, вздымался вокзальный свод.

— Поезд отправляется с третьего пути... Поезд отправляется... Поезд отправляется...

— Пора, дорогая. — Миссис Вентура взяла Мэри под руку и, подталкивая, повела по сверкающим мраморным залам.

Отец нес за ними чемодан дочери. Люди торопливо устремились к воротам, отмеченным цифрой три.

Кондуктор в черной униформе и фуражке с козырьком, отбрасывающим тень на его лицо, пропускал толпу через замысловатую черную решетку ворот.

— Мама, — взмолилась Мэри, услышав яростное шипение паровоза на рельсах. — Мама, я не могу сегодня ехать. Просто не могу. Я еще не готова к поездке.

— Чепуха, Мэри, — весело оборвал ее отец. — Это все нервы. Поездка на север — вовсе не пытка. Как только войдешь в вагон, все тревоги отступят до конца пути. А там проводник скажет, что делать дальше.

— Ну, решайся, будь умницей! — Мать поправила золотистый локон, выбившийся из-под черной бархатной шляпки дочери. — Эта поездка проще простого. Все когда-нибудь покидают родной дом. Раньше или позже все уезжают.

Мэри сдалась.

— Ну хорошо, я согласна. — Она позволила провести себя через решетчатые железные ворота и дальше — по наклонной цементной платформе, где воздух был насыщен паром.

— Срочные новости! — выкрикивали продавцы газет, стоявшие у вагонов. — Срочно... десять тысяч человек приговорены к тюремному заключению... приговорены еще десять тысяч...

— Тебе не о чем волноваться, — промурлыкала мать. — Вот уж совершенно не о чем.

Мать проталкивалась сквозь хаотично напиравшую толпу и тащила за собой Мэри, которая шла за ней след в след, — вплоть до предпоследнего вагона. Внутри вагона тянулся длинный ряд кресел, обитых алым плюшем, который при ярком свете плафонов принимал винный цвет; все швы в вагоне были заклепаны медными гвоздями.

— Может, тебе сесть вот здесь, в середине? — Не дожидаясь ответа, мистер Вентура закинул чемодан дочери на полку и отошел в сторону.

Миссис Вентура поднесла платок к накрашенным губам, произнесла несколько слов и осеклась. Говорить больше было не о чем.

— Прощайте, — произнесла Мэри с привычной, почти автоматической нежностью.

— Прощай, дорогая. Хорошего тебе отдыха. — И миссис Вентура, склонившись, наградила дочь легким, слегка рассеянным поцелуем.

Мистер и миссис Вентура повернулись, двинулись по проходу прочь и вышли через открытую дверь. Мэри помахала им вслед, но родители уже скрылись и не увидели этот прощальный жест. Сняв красное пальто и повесив его на медный крючок, Мэри села у окна. Большинство пассажиров уже устроились в креслах, но некоторые еще бродили по проходу, подыскивая удобное местечко. Женщина в синей куртке, державшая на руках ребенка в замызганном белом одеяле, остановилась на мгновение рядом с Мэри, но потом проследовала в конец вагона, где были свободные места.

— Здесь не занято? — обратилась к Мэри еще одна женщина. Покачиваясь и тяжело дыша, она шла по проходу с раскрасневшимся лицом, сжимая в руке полотняную коричневую сумку. Ее голубые глаза утопали в сетке морщин, а крупный рот расплывался в доброй улыбке.

— Садитесь. Здесь свободно. — Мэри не смогла удержаться от ответной улыбки. Подвинувшись ближе к окну, она смотрела, как соседка снимает потертую коричневую шляпу и коричневое пальто.

— Уф, — запыхавшаяся женщина тяжело погрузилась в красный плюш. — Боялась, опоздаю. Поезд вот-вот отойдет.

— Отойдите от края, — крикнули снаружи. Дверь вагона замкнулась с резким щелчком, заперев пассажиров внутри.

— Ну вот, — сказала женщина. — Поехали.

Облачко пара тянулось за отходящим поездом, застилая перрон. Женщина порылась в сумке и вытащила вязание — начало какого-то изделия из нежно-зеленой шерсти.

— Какая красота! — воскликнула Мэри. — Что это будет?

— Платье. Со временем. — Женщина бросила на Мэри быстрый оценивающий взгляд. — Для девушки примерно твоего размера.

— Уверена, ей понравится.

Женщина посмотрела на Мэри с веселой улыбкой.

— Надеюсь, что так, — сказала она и, замолчав, погрузилась в работу.

Поезд с шумом несся по темному туннелю, когда на сиденье впереди завязалась ссора. Там сидели два маленьких мальчика, а мать в кресле сбоку читала журнал. Мальчишки играли в солдатиков.

— Верни мне этого, — потребовал черноглазый мальчик постарше. — Это мой солдат. Ты его забрал.

— Я не брал, — отпирался бледный мальчуган с всклокоченными волосами. — Даже не думал.

— Нет, брал. Я сам видел. — Старший брат схватил оловянного солдатика и ударил им брата по лбу. — Вот тебе! Поделом!

Из образовавшейся ранки стала сочиться кровь. Малыш захныкал.

— Ненавижу тебя, — скулил он. — Ненавижу.

Мать продолжала невозмутимо читать журнал.

— Ну хватит, успокойся, все хорошо, — перегнулась через спинку кресла соседка Мэри. Легким, нежным движением она промокнула краешком белого платка кровь на лбу мальчика. — Стыдно, дети, затевать ссору из-за таких пустяков. Разве парочка пустоголовых оловянных солдат стоит того!

От этого наставления мальчики надулись, но замолчали и продолжили игру.

Женщина откинулась назад.

— Не пойму, что творится с современными детьми. Как погляжу, они становятся все хуже и хуже. — Со вздохом она вновь вернулась к вязанию. Снаружи неожиданно прорвался свет.

— Смотрите, — заметила Мэри. — Мы выбрались из туннеля.

Поезд выкатился в сумрачный осенний день, по обеим сторонам тянулись пустые поля с выжженными проплешинами. Плоский оранжевый диск в небе был солнцем.

— Как сильно пахнет дымом! — воскликнула Мэри. — И солнца такого странного цвета я раньше не видела.

— Всему виной лесные пожары, — отозвалась женщина. — В это время года с севера всегда несет дымом. Дальше будет еще хуже.

На мгновение рядом с путями мелькнула деревянная хижина с заколоченными окнами и тут же, на ходу уменьшаясь, исчезла.

— Откуда здесь, далеко от обжитых мест, взялся этот домик?

— Он нежилой. Раньше тут была первая станция, а теперь поезда здесь не останавливаются, и ее закрыли. Теперь по этой линии ходит экспресс.

Загипнотизированная ритмическим постукиванием колес, Мэри смотрела в окно. На кукурузном поле ее внимание привлекло пугало — словно распятый раб на покосившемся кресте, а вокруг шелуха от кукурузы. Темная потрепанная одежонка чучела развевалась на ветру, ничем не сдерживаемая. А на земле подле нелепой фигуры важно расхаживали взад-вперед черные вороны, выклеывая зерна из сухой земли.

Поезд набирал скорость.

— Стоит, пожалуй, выпить чашечку кофе в вагоне-ресторане, — сказала женщина и спросила, обращаясь к Мэри: — Ты присоединишься?

— С удовольствием, — ответила Мэри. — Хочется немного размяться.

Они встали и направились по проходу в соседний вагон — для курящих, где у Мэри защипало в глазах. У окон стояли карточные столы, мужчины играли в покер. Официанты в белых куртках скользили с подносами между столами, разнося напитки. Звучал громкий смех; в бокалах позвякивали кубики льда.

— Ресторан дальше, — бросила женщина Мэри через плечо, не оборачиваясь. Толкнув дверь, она прошла по «гармошке» в соседний вагон. Мэри последовала за ней.

Удобно расположившись в красных плюшевых креслах, посетители угощались яблоками, сливами и виноградом из ваз, стоявших на полированных деревянных столах. Тихая — как раз подходящая к обеду — музыка лилась из установки, скрытой где-то в стене.

Женщина задержалась у столика на двоих и жестом пригласила Мэри сесть.

— Вы готовы сделать заказ? — спросил чернокожий официант в строгом белом костюме с блокнотом и карандашом в руках.

Мэри не слышала, как он подошел. Перед каждой из женщин официант поставил по стакану воды со льдом.

— Мне, пожалуй, имбирный эль, — сказала Мэри.

— А мне как обычно, — улыбнулась женщина официанту.

— Да, конечно... кофе, сливки, сахар. — Лицо официанта озарилось белозубой улыбкой, и он что-то нацарапал в блокноте.

Принесли заказ — кофе в зеленой глазированной керамической чашке и пузырящийся серебром имбирный эль в высоком бокале с красной вишенкой на дне.

— Как изысканно! — восхитилась Мэри. — Я никогда раньше не бывала в вагоне-ресторане. — Здесь просто роскошно!

— Да, — согласилась женщина, согревая ладони о чашку с горячей коричневой жидкостью. — Здесь изо всех сил стараются сделать поездку по-настоящему комфортной.

Мэри полностью расслабилась и с удовольствием потягивала имбирный эль. При нежном, рассеянном свете мягкие подушки приобрели теплый красный цвет, а музыка, льющаяся из скрытых репродукторов, плавно растекалась по залу. Неспешно допив эль, Мэри перевернула бокал верх дном, и вишенка скатилась ей в ладонь. Мэри подхватила ее губами и вонзила зубы в нежную мякоть. Было видно, как

за венецианским окном оранжевое солнце садится на западе в серую мглу. Казалось, оно уменьшилось с тех пор, как Мэри смотрела на него в последний раз, а оранжевый цвет превратился в красный.

— Только подумать! Как быстро смеркается, — заметила Мэри, глядя в окно на пустынный, затягивающийся темнотой пейзаж.

— В этом поезде практически не ощущаешь течения времени. Так здесь все продуманно, удобно. Мы только что проехали пятую станцию, а это означает, что впереди нас ждет длинный туннель. Не пора ли вернуться к себе?

— Хорошо. Но сначала надо расплатиться?

— Не надо. В конце поездки нам приплюсуют эту сумму к общему счету. — Женщина поднялась и проследовала в обратном направлении, твердо ступая по раскачивающейся «гармошке» между вагонами мчащегося поезда.

Вернувшись на свое место, она тут же принялась за вязание, а Мэри лениво провожала взглядом пронесившиеся за окном бесплодные земли. В дальнем конце вагона капризно и требовательно заплакал ребенок. Три бизнесмена, выйдя из бара, прошли мимо, смеясь тому, что их заносит от движения состава. Лампочки на потолке казались жесткими сверкающими звездами.

— Вот сукин сын, — сказал один мужчина.

— Ну ты даешь, — отозвался второй.

В серых фетровых шляпах все трое выглядели абсолютно одинаково. Спотыкаясь и покачиваясь, они, толкаясь, одолели проход, а ребенок все плакал, словно заведенный.

Поезд влетел в очередной туннель. Темный скальный массив молчаливо и стремительно проносился

рядом с окном, а колеса отщелкивали время, словно зубцы огромного часового механизма.

Дверь распахнулась, и в вагон ступил лоточник; медленно, слегка пошатываясь, он шел по проходу, выкрикивая: «Конфеты, попкорн, орехи кешью... покупайте конфеты, попкорн, орехи...»

— Сюда подойди, — позвала его женщина, расстегивая тем временем коричневую сумку и доставая потертый кошелек. — Дай нам шоколадку.

— О нет, — запротестовала Мэри. — Спасибо, я расплачусь сама.

— Что за ерунда, дорогая, — остановила ее женщина. — Это доставит мне удовольствие. Шоколад — то, что надо юным сладкоежкам. Кроме того, у тебя еще будет достаточно расходов до конца пути.

Продавец остановился рядом, надвинул ниже на лоб красную кепку и засунул большие пальцы в красно-белый полосатый жилет.

— Какую возьмете? — поинтересовался он скучным, усталым голосом. — У нас есть... — Потом неожиданно замолк, внимательно всмотрелся в женщину и хрипло рассмеялся. — А вы опять пустились в путь? — Он понизил голос, в котором послышались тихие, доверительные нотки. — Вам здесь ничего не светит. Все оформлено по правилам. Подписано, запечатано и отправлено.

— Не будь таким доверчивым, Берт, — ласково улыбнулась женщина. — Даже бухгалтеры время от времени ошибаются.

— Бухгалтеры — возможно, но не хозяин. — Хитро улыбаясь, Берт потряс своим черным кошельком — в нем звякнула мелочь. — У него все схвачено. На этот раз он сам во главе дела.

Женщина от души расхохоталась.

— Да, пора уж. Особенно после последней ошибки, когда он допустил, что поезда пересеклись на более высоком уровне. Теперь ему ни за что не договориться с землевладельцами из низины, как бы он ни старался. Они привязаны к своей земле, как дети к игрушкам, и совершенно счастливы. Думаешь, теперь они ему подчинятся? Да никогда.

Берт поморщился, отчего стал похож на обезьяну.

— Да, — сдался он. — Думаю, со временем вы получите свою долю.

— Потому я и нахожусь здесь, — сказала женщина. — Так дашь ты, наконец, шоколадку?

— Большую или маленькую?

— Большую. — Женщина протянула продавцу двадцатипятицентovou монету.

— Ладно. Тогда до скорого, — произнес Берт, дотрагиваясь до кепки. — Счастливой охоты! — И он, раскачиваясь, пошел дальше по проходу, монотонно повторяя нараспев: «Конфеты, попкорн, орехи кешью...»

— Бедный Берт, — сочувственно произнесла женщина и аккуратно развернула шоколадку, не повредив при этом тонкую серебряную фольгу. — Такой одинокий. Рад хоть с кем-нибудь перемолвиться словом во время рейса. А путь такой длинный, что редко кто отваживается его повторить.

Женщина разломала шоколад и вручила кусок побольше Мэри. В воздухе разнесся нежный сладкий аромат.

— М-мм, — восхитилась Мэри. — Как дивно пахнет! — Откусив кусочек, она ждала, когда шоколад растает на языке, и, медленно посасывая его, глотала вкусный сироп.

— Вы так много знаете о нашей поездке, — сказала Мэри женщине. — Наверное, вы много путешествуете?

— О да. Сколько себя помню, все время куда-нибудь еду. Но этим маршрутом — особенно часто.

— Неудивительно. Здесь очень спокойная и уютная обстановка. Столько приятных мелочей вроде ежечасно предлагаемых закусок или напитков в баре и диванов в вагоне-ресторане. Прямо как в отеле.

Женщина метнула на нее быстрый взгляд.

— Это правда, милочка, — сухо проговорила она. — Но не забывай: за удобство надо платить. Расплачиваешься в конце пути. Сделать путешествие привлекательным — это бизнес. У железнодорожной компании заинтересованность в пассажирах замешана не на чистом альтруизме.

— Полагаю, вы правы, — рассмеялась Мэри. — Я об этом как-то не подумала. Прошу вас, скажите, что нас ждет в конце пути? Я даже вообразить не могу. В рекламном буклете ничего не сказано о тамошнем климате или о жителях северного района — совсем ничего.

Женщина вдруг решительно склонилась над вязанием. Оказалось, запуталась нитка. Поспешно исправив положение, она продолжила работу.

— Как я понимаю, ты едешь до конца, — сказала женщина.

— Да, до конца. Папа сказал, что мне не надо ни о чем беспокоиться: проводник сам скажет, куда идти дальше.

— Конечная остановка, — пробормотала женщина. — Ты уверена?

— Абсолютно. Во всяком случае, так указано на билете. Он такой необычный, что я помню даже на-

звание станции — красное на черном. «Девятое королевство». Странное название, правда?

— Ко всему можно привыкнуть, — произнесла женщина, как бы обращаясь к самой себе. — К нелепым делениям, подразделениям, классификациям. Все делается наугад. Произвольно. Но, похоже, никого это не волнует. Одно случайное движение, один решительный жест — и вся структура рухнет. Развалится.

— Не совсем понимаю, о чем вы.

— Естественно. Естественно, милая. Я немного забылась. Говорю загадками. Скажи только, не заметила ли ты, войдя в поезд, чего-то необычного в поведении людей?

— В общем, нет, — медленно протянула Мэри, оглядываясь по сторонам. — Нет, — растерянно повторила она. — Вроде все нормально себя ведут.

Женщина вздохнула.

— Наверно, я слишком чувствительна, — предположила она.

За окном замигали красные огоньки — неоновые лампы. Поезд замедлил ход, содрогаясь при въезде на очередную станцию «Девятого королевства». Дверь вагона широко распахнулась, и по проходу тяжело зашагал проводник, направляясь к блондинке с ярко накрашенным ртом. Та побледнела, закуталась в мех и отпрянула назад.

— Не сейчас, — умоляюще проговорила она. — Пожалуйста, не сейчас. Это не моя остановка. Позвольте, я поеду дальше.

— Покажите билет, — потребовал проводник. Женщина облизнула губы кровавого цвета.

— Я куда-то его засунула. Не могу найти, — сказала она.

— Он во втором пальце вашей правой перчатки, — произнес проводник бесцветным голосом. — Вы его туда засовывали, когда я входил.

Женщина раздраженно сорвала перчатку с правой руки, извлекла из отделения для второго пальца красный картонный корешок и швырнула его проводнику. Тот прокомпостировал билет, разорвал его надвое и отдал женщине меньшую часть.

— Вам на другую сторону реки, — сказал он. — Думаю, лучше сойти сейчас.

Женщина не пошевелилась. Проводник подошел ближе и ухватил ее за плечо.

— Извините, — сказал он, — но вам придется выйти. Здесь нельзя тратить время впустую. Надо придерживаться расписания. И на пассажиров у нас определенная квота.

— Хорошо, иду, — проговорила женщина с недовольной гримасой. — Только уберите руку. Это больно. И оскорбительно. — Она поднялась и направилась по проходу к двери, ее темно-красная шерстяная юбка колыхалась вокруг бедер, голова была гордо и дерзко запрокинута.

На платформе у выхода из вагона женщину уже ждали два станционных охранника. При ослепительно ярком неоновом свете они, каждый со своей стороны, вывели женщину через зарешеченные ворота наружу.

Проводник вернулся в вагон, утирая пот со лба большим красным шелковым платком. Остановившись рядом с Мэри, он широко улыбнулся ее соседке. В его черных бездонных глазах играла ледяная усмешка.

— Не так уж часто возникают у нас проблемы с пассажирами на выходе, — заявил он женщине.